

А. М. Аблажей, Н. Н. Аблажей
**СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН:
БАЗОВЫЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

doi:10.30759/1728-9718-2023-1(78)-93-103

УДК 06.05(571)“1990/2018” ББК 72.4(285.3)

В статье на примере научного сообщества Сибирского отделения РАН показаны основные закономерности адаптации науки к постоянно меняющимся условиям деятельности. Вся история постсоветской науки разделена авторами на несколько периодов. Первый, наиболее драматический, продолжавшийся с начала 1990-х до начала 2000-х гг., обусловлен адаптацией к рынку в условиях «шоковой терапии» науки. Второй — с начала 2000-х до 2013 г., его основной характеристикой стала стабилизация, связанная с формированием новых механизмов и принципов осуществления научной деятельности, включая планирование, финансирование и отчетность. Наконец, третий период, начавшийся в 2013 г., обусловлен проведением радикальной реформы академического сектора науки, предполагавшей лишение Академии наук статуса главного «научного штаба» страны и переход важнейших полномочий по управлению фундаментальными исследованиями в руки государственных органов: сначала ФАНО, а с 2018 г. — профильного министерства. Зафиксировано наличие двух базовых моделей функционирования академического института Сибирского отделения РАН: «федеральной» и «унитарной», что не исключало наличия промежуточных вариантов. Такое членение прежде достаточно однородного научного сообщества было обусловлено степенью адаптации к изменившимся условиям жизни и деятельности, важнейшими факторами которой стали включенность в процессы коммерциализации науки, умение находить дополнительное финансирование (гранты, переговоры), востребованность научной тематики на рынке научной продукции.

Ключевые слова: *фундаментальная наука, постсоветская наука, академический институт, адаптация, коммерциализация, критерии эффективности, стратификация*

Введение

В 2022 г. Сибирское отделение РАН отметило свой 65-летний юбилей. Настоящая статья — это попытка в самых общих чертах описать важнейшие траектории развития Сибирского отделения РАН с начала 1990-х гг., главным образом — в два последних десятилетия, как в плане организационного устройства и стиля руководства наукой, так и профессиональных ценностных установок самих ученых. Статья написана в основном с позиций социальной истории науки, что во многом предопределило и ее содержание, и использованные материалы: речь пойдет в основном о тех процессах, которые имели место в коллективном сознании членов научного сообщества. Источниковую базу работы составили нормативные акты, ведомственная статистика, материалы ежегодных отчетов Президиума СО РАН, исследователь-

ская литература, а также результаты многолетнего социологического мониторинга СО РАН.

Социологи Института философии и права СО РАН начали серию социально-психологических исследований научного сообщества Новосибирского научного центра (ННЦ) практически с самого начала рыночных реформ. В декабре 1992 г., с использованием методов неформализованного фокусированного интервью и психологического наблюдения, было проведено пилотажное исследование в 13 научных учреждениях ННЦ (Институт математики, Институт цитологии и генетики, Институт автоматизации и электрометрии и др.). Основную задачу изысканий авторы видели в «отслеживании всей совокупности проблем, возникающих в недрах научно-исследовательских коллективов и проявляющихся как на административном уровне, так и в повседневной жизни людей».¹ В центре внимания оказались такие вопросы, как состояние основных элементов научной деятельности, трансформация структуры проводимых исследований, оценка

Аблажей Анатолий Михайлович — к. филос. н., Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: ablazhey63@gmail.com

Аблажей Наталья Николаевна — д. и. н., Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: ablazhey@academ.org

¹ Плюснин Ю. М., Гордиенко А. А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России: социально-психологический аспект: мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992–1995 гг. Новосибирск, 1995. С. 6.

государственной научной политики, роль руководства Сибирского отделения, состояние системы научных коммуникаций, глубина личного и профессионального планирования, кадровая политика и т. д. В апреле 1994 г. было проведено аналогичное исследование, в ходе которого были опрошены сотрудники 12 институтов. Весной 1996 г. был проведен первый массовый социологический опрос, в котором приняли участие 565 научных сотрудников из 39 академических институтов ННЦ.² Аналогичный опрос проводился также в 1999 г.³ С 2001 г. территориальные рамки проводимого мониторинга расширились за счет вовлечения в орбиту исследования других научных центров СО РАН — академических учреждений Омска, Кемерово, Красноярска, Томска, Иркутска.⁴ В период с 2004 по 2010 гг. в рамках социологического мониторинга научного сообщества СО РАН были реализованы следующие исследовательские проекты: массовый социологический опрос научных сотрудников НИИ Новосибирского научного центра и Новосибирского государственного университета (2004); анализ состояния воспроизводственных механизмов академической науки (2004–2006), проведенный методами экспертного (научные руководители) и массового (аспиранты) опросов; экспертный опрос заместителей директоров ряда НИИ ННЦ, проведенный по заказу Центра сравнительных социальных исследований (2009); экспертный опрос сотрудников дирекций (заместителей директоров по науке и ученых секретарей) НИИ Красноярского, Иркутского и Томского научных центров (2010, 2015). В 2018 г. проведено повторное исследование состояния академической аспирантуры в ННЦ с использованием «Анкет аспиранта».

Процесс трансформации академической науки в соответствии с новыми условиями исследовательской деятельности начинается на рубеже 1980–1990-х гг. Что касается стартовых условий, то приведем довольно жесткое

высказывание о делах в новосибирском Академгородке на рубеже 1970–1980-х гг.: «С конца 1970-х гг. вместе со всей страной Городок погружается в застой, который для сибирской глубинки явился просто возвратом к привычному состоянию многовековой дремы».⁵ Особо отметим тот факт, что ситуация для сибирской, равно как и для всей российской науки, сильно осложнялась ввиду того, что практически в то же самое время драматические изменения переживала вся мировая наука. Переход экономики и социальной сферы развитых стран мира на неолиберальные принципы управления, подразумевавшие отход от политики государственного регулирования экономики, ускоренную приватизацию и резкое сокращение бюджетных расходов, предопределил радикальный пересмотр принципов взаимоотношений с наукой со стороны как государства, так и общества. Среди очевидных признаков нового курса в отношении науки следует назвать усиление скепсиса по отношению к возможностям науки и резкое уменьшение государственных расходов на научные исследования, в первую очередь фундаментальные, как не имеющие скорого прикладного эффекта. Следствия этого — ускоренная коммерциализация научной сферы, сокращение горизонта планирования, падение престижа академической профессии и т. д.⁶ Для российской науки, которая, стремительно становясь частью мировой науки, также не избежала подобных трансформаций, все отмеченное было вдвойне актуально, поскольку негативный эффект от перехода к неолиберальной научной политике был усилен еще и радикальными экономическими реформами, что привело в итоге к «шоковой терапии» академического комплекса, поставленного в первые годы рыночных реформ на грань выживания. По оценке председателя СО РАН тех лет В. А. Коптюга, с 1989 по 1995 гг. базовое бюджетное финансирование Сибирского отделения РАН сократилось

² См.: Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Плюснин Ю. М. Социальные характеристики научного сообщества новосибирского Академгородка. Сборник таблиц. Новосибирск, 1997; Новосибирский Академгородок в 1996 г.: условия жизни и деятельности ученых / Гордиенко А. А. [и др.] // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 68–77.

³ См.: Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Плюснин Ю. М. Социальные характеристики научного сообщества новосибирского Академгородка в 1999 г. Сборник таблиц. Новосибирск, 1999.

⁴ См.: Плюснин Ю. М., Аблажей А. М., Куперштох Н. А. Научные сообщества сибирских городов (по материалам полевых исследований) // Вестник РГНФ. 2004. № 4 (37). С. 130–141.

⁵ Дорошенко В., Коршевер И., Матизен В. Новосибирский научный центр: есть ли стратегическая альтернатива? // Отечественные записки. 2002. № 7 (8). С. 259–272. URL: <https://strana-oz.ru/2002/7/novosibirskiy-nauchnyy-centr-est-li-strategicheskaya-alternativa> (дата обращения: 20.01.2023).

⁶ См.: Mirowski Ph., Van Horn R. The Contract Research Organization and the Commercialization of Science // Social Studies of Science. 2005. Vol. 35, iss. 4. P. 503–548; Mirowski Ph., Sent E.-M. The Commercialization of Science and the Response of STS // The Handbook of Science and Technology Studies. London; Cambridge, Mass., 2008. P. 635–689; Аблажей А. М. Неолиберальный контекст постсоветской науки // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 155–160; и др.

в сопоставимых ценах в 7 раз, а численность Отделения за 1991–1996 гг. уменьшилась на 28 %.⁷ Одновременно с этим «резко сократились объемы хоздоговорных работ с промышленностью». Целый ряд ученых определял состояние отечественной науки в те годы как кризисное, однако трактовал его не как «кризис самой науки, а системы ее взаимоотношений с нашим обществом и, в определенном смысле, кризис самого этого общества. Он не имеет ничего общего со снижением эффективности науки или утратой ею способности производить новое знание, а коренится в утрате нашим обществом интереса к науке и всему тому, что она олицетворяет».⁸

От шоковой терапии — к стабильности

Драматическая история адаптации Отделения к резкому изменению условий деятельности в период 1990–2007 гг. детально описана в большой коллективной монографии, изданной к 50-летию СО РАН. По мнению авторов работы, основные изменения в работе академических учреждений сводились к следующему. Прежде всего, к 1997 г. «потребовали уточнения направления научных исследований» всех входивших в состав СО РАН институтов, за которым последовал процесс реорганизации их внутренней структуры. В расчет принимались изменившиеся приоритеты фундаментальных исследований, имевшиеся научные «заделы» и кадровый состав. В результате 13 институтов сменили названия, многие подразделения существенно скорректировали направленность проводимых исследований (например, «мелкие» темы сливались в укрупненные планы работ). Как следствие, к 2001 г. произошло значительное (на 20 %) сокращение числа научных подразделений (лабораторий и секторов), и уменьшилось число сотрудников (на 10 %, в абсолютных цифрах — на 2 500 чел.). К 2005 г. число учреждений науки в составе СО РАН сократилось на 30 %, в наибольшей степени это коснулось механико-математических наук и наук о Земле. В целом в период с 2002 по 2006 гг. более 40 научных учреждений потеряли статус юридического лица.⁹

⁷ См.: Коптюг В. А. О возможных путях реорганизации структуры академического научного сообщества // Российская наука: состояние и проблемы развития. Всероссийский семинар. Новосибирск, 1996. С. 13, 21.

⁸ Юревич А. В. Умные, но бедные: ученые в современной России. М., 1998. С. 184.

⁹ См.: Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 388–389.

При проведении реструктуризации широко использовались результаты рейтинговой оценки деятельности НИИ, процедура которой внедрялась начиная с 1994 г. В число важнейших параметров при формировании комплексной оценки деятельности научно-исследовательского учреждения входили индекс цитируемости, количество публикаций в рецензируемых изданиях, объемы внебюджетного финансирования, число грантов, удельный вес молодежи и число защищенных диссертаций.¹⁰ Таким образом, с самого начала при оценке продуктивности в расчет принимались как научные, так и экономические показатели.

Более подробно остановимся на анализе трансформаций, касавшихся структуры и организации научных исследований, системы профессиональных ценностных установок членов научного сообщества Сибирского отделения начиная с середины 2000-х гг. Результаты социологических исследований, проведенных в этот период, позволили зафиксировать ряд значимых изменений. Так, по мнению большинства руководителей институтов, сложившаяся структура финансирования академического НИИ в рамках Сибирского отделения РАН предполагала наличие трех частей: базовой, формируемой за счет государственного бюджета; конкурсной, источником которой также был госбюджет (речь идет об интеграционных проектах СО РАН, а также проектах в рамках Программы фундаментальных исследований РАН; сюда же входили гранты РФФИ и РГНФ); внебюджетной (средства от хоздоговоров, международных проектов и пр.).

Доля каждой из частей постоянно изменялась. Достаточно типичной была ситуация, когда доля базового финансирования составляла менее половины совокупного бюджета института, оставшаяся часть формировалась за счет выигранных грантов, проектов РАН и СО РАН, контрактов и хоздоговоров. (На практике, конечно, эта система была конкурсной только отчасти, важную роль продолжал играть аппаратный вес директора института, как правило, члена Академии наук, его место в академической структуре власти). В 2010 г. в целом по Отделению, если рассматривать только внебюджетную часть, доля средств, поступивших по контрактам и договорам, составляла 85 %, тогда как по грантам — всего 15 %.¹¹

¹⁰ См.: Там же. С. 390.

¹¹ См.: Отчет о деятельности СО РАН в 2010 г. URL: https://www.sbras.ru/report_2010 (дата обращения: 14.11.2022).

В отдельных, наиболее успешных с точки зрения сотрудничества с реальной экономикой, институтах внебюджетное (хоздоговорное) финансирование зачастую составляло более 50 % совокупного бюджета. Одновременно резко сокращался объем средств, поступавших в рамках сотрудничества с иностранными партнерами, игравших важную роль на предшествующем этапе. Сами ученые в качестве основного источника внебюджетных доходов стали рассматривать прежде всего контракты с отечественными компаниями. Для некоторых региональных центров СО РАН, в частности для Красноярского, открылись поистине уникальные возможности в связи с реализацией на территории края мегапроектов (например, возобновление строительства Богучанской ГЭС или развитие Норильского производственного комплекса). Общей тенденцией стал курс на все более тесное сотрудничество с региональными властями и бизнесом.

Что касается базовой части, то она заметно выросла по итогам реализации в 2006–2008 гг. так называемого пилотного проекта, направленного на совершенствование (фактически — существенное увеличение) системы оплаты труда ученых РАН, при выдвинутом государством условии сокращения численности работающих в Академии на 20 %. По оценкам экспертов, пилотный проект в целом позволил достичь приемлемого уровня оплаты труда научных сотрудников даже при отсутствии у них грантов и внебюджетных источников.

Изменение структуры финансирования повлекло за собой существенную трансформацию внутриинститутских связей и отношений. В институтах СО РАН фактически сложились два подхода к распределению той части ресурсов, которые формировались из конкурсного бюджетного и внебюджетного финансирования. Первый из них можно охарактеризовать как федеративную модель, при которой академический институт представлял собой, по сути, федерацию автономных структурных подразделений, распределяющих большую часть дополнительных средств самостоятельно, внутри себя. При этом приблизительно пятая часть подобных средств в виде накладных расходов отдавалась дирекции, которая выполняла интегрирующие функции, сохраняя институт как единое целое, содержала общее имущество и т. п. Существование подобной схемы при всей ее демократичности имело и существенный недостаток: в рамках одного института неизбеж-

но появлялись «богатые» и «бедные» лаборатории и отделы, что не могло не отразиться на межличностных отношениях внутри академических коллективов (зависть, чувства обиды и несправедливости и пр.). Ситуация обострялась еще сильнее, когда на базе прикладных разработок основывались малые инновационные предприятия, которые занимались, по сути, научным предпринимательством в интересах узкой группы учредителей. Фактически происходила стратификация научного сообщества, что неизбежно приводило к появлению маргиналов и «лишних людей»,¹² чаще всего из числа сотрудников старшего поколения. Поляризация в доходах породила социальную поляризацию в науке. Одновременно формировался и действовал компенсаторный механизм: дирекция институтов в рамках своих полномочий и финансовых возможностей, как правило, старалась избегать крайностей дифференциации по доходам и «гасить» подобные настроения, тем самым отчасти сглаживая отрицательные эффекты поляризации.

Альтернативный подход представлял собой *унитарную* модель, в рамках которой все поступающие в институт средства, включая конкурсное бюджетное и внебюджетное финансирование, оказывались в распоряжении дирекции. Последняя, распределяя средства, принимала во внимание интересы (и вклад в общую копилку) не только коммерчески успешных подразделений, как правило, «прикладников», но и «бедных», чаще всего «фундаментальщиков». Последние при этом справедливо замечали, что коммерчески более успешные результаты невозможны без фундаментальных исследований, следовательно, полученная выгода является плодом общих усилий. При унитарной модели дирекция, как правило, активно включалась в поиск дополнительного финансирования, лоббируя интересы института как в научных фондах, так и во властных структурах, а также в сфере бизнеса.

Оборотной стороной дифференциации доходов научных сотрудников стало изменение самого содержания научного труда, а также увеличение его интенсивности. Для части ученых наука становилась, по сути, бизнесом, когда доход, а не количество статей стал приоритетом. Но и в условиях коммерциализации

¹² Об этом подробно см.: Плюснин Ю. М. «Лишние люди» в науке: опыт социально-психологического расследования // Науковедение. 1999. № 1. С. 7–19; Он же. Почему «лишние люди» не уходят из науки? // Науковедение. 2002. № 1. С. 109–118.

отечественной науки значительная часть научных сотрудников, как показали проведенные нами многочисленные исследования, осталась верна традиционным профессиональным ценностям российских ученых, среди которых важнейшее место занимали постоянство в избранной профессии, долговременные научные связи, верность одному научному учреждению, где коллектив воспринимался как вторая семья, коллективизм при проведении исследований и соответствующее отношение к полученному результату как к плоду коллективных усилий и т. д. По нашему мнению, в основе формирования подобных ценностей лежат как архетипы научной этики в трактовке Р. Мертона (императивы коммунизма, универсализма, незаинтересованности), так и элементы советской идеологии, которые по ряду позиций совпадали. Существование этого по-своему уникального феномена подтверждали опросы сотрудников научных и образовательных центров Сибири, проведенные на протяжении 2000–2010-х гг.¹³ Стремление к сугубо профессиональному успеху продолжало доминировать над коммерческими интересами, а следовательно, при оценке эффективности деятельности как отдельного сотрудника, так и научного подразделения и академического института в целом по-прежнему важнейшее значение имело получение нового знания, а не только достижение высоких финансовых показателей.

К исходу 2000-х гг. в СО РАН работало почти 30 тыс. чел. В кадровой сфере также произошли существенные изменения. С одной стороны, обозначилась тенденция к росту численности кадров высшей квалификации. За пятилетний период (2008–2012) выросло число академиков — с 55 до 61, членов-корреспондентов — с 66 до 75, докторов (с 1829 до 1973) и кандидатов наук (с 4 787 до 5 085). При этом упала численность научных сотрудников без ученой степени (с 2 174 до 2 063) и лиц, занятых в организациях научного обслуживания (с 1 123 до 857). С другой стороны, налицо была тенденция к усилению возрастного дисбалан-

са. Несмотря на то что за пять лет общая численность научных работников выросла с 8 911 до 9 257 чел., в самых проблемных возрастных группах она продолжала падать. Так, число работников в возрасте от 40 до 49 лет уменьшилось с 1 515 до 1 285 чел.; в возрасте 50–59 лет — с 2 122 до 1 776 чел. Обозначился явный дефицит сотрудников среднего возраста, в диапазоне от 40 до 59 лет, особенно если речь шла о руководящих кадрах. Напротив, резко вырос удельный вес работников в возрастной группе до 39 лет — с 2 890 до 3 355 чел. Также значительно выросла численность ученых старшего поколения: группа 60–69 лет — с 1 608 до 1 768, группа 70 лет и старше — с 776 до 1 073.¹⁴

На тот момент решение проблемы оптимизации кадрового состава институтов было возможно либо за счет дробления ставок (на одной бюджетной позиции могли работать несколько человек, которые могли рассчитывать лишь на соответствующую долю заработной платы), либо за счет использования внебюджетных средств. Однако и то и другое делало возможным лишь краткосрочный маневр. Консервация кадрового состава институтов привела к складыванию модели адаптивной эволюции, при которой кадровая динамика зависела от естественного ухода лиц старшего поколения, что, конечно, не могло быть оптимальным решением.

Своеобразным ноу-хау СО РАН стал стартовавший в 2007 г. проект набора молодых сотрудников в академические институты на двухлетний срок за счет средств Президиума. Как правило, речь шла о вчерашних аспирантах: предполагалось, что за 2 года они смогут доработать и защитить диссертацию. За период реализации проекта число таких молодежных вакансий удалось удвоить с 300 до 600 чел., но по прошествии двух лет перед директорами институтов вставала проблема, за счет каких средств содержать этих новых сотрудников в дальнейшем. Президиум РАН также предпринимал усилия по оптимизации кадров науки, и в октябре 2010 г. эти усилия были частично вознаграждены: вышло постановление Правительства о выделении средств на организацию 1 тыс. новых молодежных ставок для кандидатов (до 35 лет) и докторов наук (до 45 лет). Сибирскому отделению выделялось около 170 таких ставок.

¹³ См.: Аблажей А. М. Кадровый потенциал российской науки: опыт социологической характеристики // Социальные проблемы науки и инноваций. Новосибирск, 2002. С. 69–77; Плюснин Ю. М., Аблажей А. М., Куперштох Н. А. Указ. соч.; Аблажей А. М. Молодые российские ученые: сравнительный анализ социальных характеристик (на материалах социологического мониторинга Новосибирского научного центра) // Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития. Новосибирск, 2004. С. 103–125; Он же. Воспроизводство науки в современной России. Новосибирск, 2006; и др.

¹⁴ См.: Сибирское отделение Российской академии наук в 2008–2012 гг. URL: https://www.sbras.ru/report_2008-2012 (дата обращения: 14.11.2022).

Еще одним способом решения кадровой проблемы, опробованным в рамках Сибирского отделения РАН, стало внедрение «проточной» модели академической аспирантуры. Результаты проведенного в 2005 г. экспертного опроса научных руководителей аспирантов показали, что, по их мнению, в глазах молодежи престиж науки крайне низок. Среди причин чаще всего назывались низкий размер стипендий, «неясность перспектив» для молодых в академической сфере при том, что резко выросли «возможности для карьеры вне науки».¹⁵ Академическая карьера, по мнению опрошенных, существенно проигрывала возможностям в бизнесе и на госслужбе. Вполне разумным в этой ситуации большинство экспертов посчитали существенное расширение набора в аспирантуру и перевод ее в своеобразный «проточный режим». По мнению руководства СО РАН, ставшего инициатором реализации подобной модели аспирантуры, ее «проточный» характер создавал возможности «намыть» из общего резко увеличившегося числа аспирантов достаточное число тех, кто все-таки сделает свой выбор в пользу науки. Важно и то, что позитивный эффект от ее внедрения не только сказывался непосредственно в научных и вузовских учреждениях, но также играл важную роль в развитии других сфер интеллектуального производства, того же технологического предпринимательства.

Заметные трансформации претерпела и традиционная модель успешной научной карьеры. Если раньше бесспорным критерием профессионального успеха являлись защита диссертации или занятие административной должности, то к исходу 2000-х гг. картина усложнилась. Молодежь явно стремилась к занятию лидирующих позиций в научной сфере. В связи с этим не меньшее значение, чем наличие ученой степени или руководящей позиции, стали играть успехи в получении грантов, возможность формирования на их базе собственной исследовательской команды, публикации в ведущих научных изданиях.

Значимым показателем тенденции к выявлению научных лидеров стала сложившаяся к тому времени система оценки продуктивности научной деятельности ученого. Однако зача-

стую процедура выставления ПРНД (показателей результативности научной деятельности), методы доведения ее результатов до сведения сотрудников, соответствующие поощрения или санкции вызывали неоднозначную реакцию внутри коллективов, усиливая и без того напряженную обстановку. Усугубили ее и сложившиеся на практике подходы к материальному поощрению научных сотрудников, когда либо поощряли только лидеров, либо имело место «размывание» премиального фонда на максимальное количество сотрудников.

Исследования мнений членов научного сообщества, проведенные на рубеже 2000–2010-х гг., наглядно показали, что за период с конца 1990-х гг. произошли существенные изменения не только принципов планирования и организации научной деятельности, но и менталитета ученых. Были все основания констатировать тот факт, что наука научилась работать в рыночных условиях, нарабатывая опыт успешной адаптации к изменившимся условиям деятельности: социальным, управленческим, экономическим. Как руководство институтов, так и научное сообщество в целом имели все основания надеяться на дальнейшее поступательное развитие науки. Правда, все это было возможно при одном важнейшем условии — отсутствии радикальных изменений курса государственной политики по отношению к академическому сектору науки. Последующие события показали, что именно это условие не было соблюдено.

Радикальная реформа РАН и ее влияние на научное сообщество

Радикальная реформа Российской академии наук, стартовавшая в середине лета 2013 г., резко изменила ландшафт академической науки. От руководства фундаментальными исследованиями на какое-то время была, по сути дела, отлучена Академия наук, которая де-факто превратилась в «клуб ученых». С точки зрения авторов реформы, гораздо более успешно руководить наукой могло специально созданное ведомство — Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). К нему переходили полномочия по контролю за планированием и отчетностью проводимых исследований, а также осуществление финансовых функций. Реформа, носившая неожиданный и радикальный характер, вызвала резко протестные настроения. Кампании по сбору подписей против реформы, различного

¹⁵ Аблажей А. М. Состояние и перспективы развития академической аспирантуры: точка зрения научных руководителей (по материалам исследований середины 2000-х гг.) // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2967–2975.

рода акции прошли во всех научных центрах Сибирского отделения. Однако если на заре реформы большинство сотрудников академических институтов восприняли изменение ее статуса как фактический крах академической модели науки, то вскоре стало понятно, что это не совсем так и жизнь в науке продолжается.

Одной из главных причин реформы стали упорное нежелание и неумение академического руководства осуществить назревшие изменения во взаимоотношениях с потребителями научной продукции, в структуре проводимых исследований, стиле руководства наукой, убежденность в своей непогрешимости и особом положении в социальной и властной структуре постсоветской России. «В период всеобщего слома, когда перестал существовать СССР, Академия фактически сохранилась в прежнем виде с точки зрения базовых принципов работы... оказалась очень консервативной структурой, не идущей на серьезные компромиссы. Отсутствие гибкости и неумение вовремя инициировать и провести внутреннюю реформу и привело ее к краху».¹⁶

Реформа проводилась под флагом борьбы с бюрократизмом и освобождения ученых от несвойственных им управленческих и хозяйственных функций, однако на практике главным негативным эффектом реформы стала прежде всего резко усилившаяся бюрократизация науки. Стремление применить формализованные критерии к науке вошли в противоречие с самой сутью научной деятельности. Методы и приемы руководства наукой, по сути, оказались нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей, что не могло не беспокоить ученых. Поэтому активно обсуждалась необходимость разработки взамен сугубо бюрократических критериев оценки эффективной научной деятельности сугубо научных, внутрицеховых критериев, что стало одной из важнейших задач и потребовало объединенных усилий всего сообщества.

Российская наука в значительной степени унаследовала черты советского типа организации научной деятельности, когда значительную роль в процессе «делания науки» играли и играют не столько отдельные ученые, сколько научные коллективы. Необходимость нали-

чия для ученого интеллектуальной среды не укладывалась ни в рыночные, ни в бюрократические схемы. В этой связи ученые сильно опасались того, что к руководству наукой придут профессиональные управленцы, не понимающие специфики научной деятельности. Важнейшим фактором успешного функционирования отечественной науки было и остается наличие сложившихся на протяжении десятилетий научных комплексов и институциональных практик, что требует финансирования не отдельных ученых и даже проектных групп, а научно-технологических комплексов.

Резкую критику вызвала кампания по созданию на базе научных центров (Красноярского, Иркутского, Тюменского) своеобразных консорциумов научных учреждений, что расценивалось и руководством Отделения, и учеными исключительно как «бюрократическое решение», навязанное сверху, когда, например, на базе всех институтов Красноярского научного центра был создан Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН». Аналогичные процессы протекали в Томском, Иркутском и Тюменском научных центрах. Для менеджеров от науки первичным был сам процесс реформирования, что вызывало одну реформационную волну за другой. Это позволяло начинать очередную реформу, не отчитываясь о результатах предыдущей. Реструктуризация академического сектора науки лоббировалась и вузовской системой. Часть ректоров крупных вузов были не прочь под шумок реформы запустить успешно функционирующие исследовательские структуры и тем самым быстро усилить эффективность вузовской науки. Ряд инициатив такого рода активно обсуждался, например, в Красноярске и Томске.¹⁷

Важнейшей составной частью реформы РАН стало радикальное обновление директорского корпуса. Формальным поводом к нему стало фактическое введение возрастного ценза, кандидат в директора на практике де-факто лишился права претендовать на эту должность по достижении 65-летнего возраста. В известном смысле можно говорить о смене «кадровой парадигмы»: основные полномочия по планированию и осуществлению кадровой политики во многом перешли к резко усилившейся внеакадемической бюрократической надстройке (сначала ФАНО,

¹⁶ Дежина И. Г. Реформа РАН: причины и последствия для науки в России // *Russie.Nei.Visions*. М.; Paris, 2014. № 77. С. 18. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁷ См.: Аблажей А. М. Феномен принудительной интеграции в российской академической сфере // *Философия образования*. 2015. № 4 (61). С. 176–187.

а после его упразднения в мае 2018 г. — профильному министерству), которая зачастую открыто не декларирует свои намерения. С другой стороны, академическое руководство в лице Объединенных советов по отраслям науки и Президиума СО РАН сохраняет возможность существенно влиять на процесс отбора кандидатов на должность директоров институтов.

Оценка этой стороны реформы неоднозначна. В 2015 г. тогдашний председатель СО РАН А. Л. Асеев на общем собрании Отделения отмечал, что «омоложение директорского корпуса стало одним из немногих плюсов реформы РАН».¹⁸ С этим согласен и ряд специалистов: «Реформа РАН, при всех ее изъянах, привела к обновлению и омоложению руководства и штатного состава академических институтов».¹⁹ Есть и прямо противоположные оценки: «...формируется худший директорский и административный корпус за всю историю РАН».²⁰ Со своей стороны, руководство Академии наук, не согласное с такой резкой сменой политики в сфере подбора кадров директоров, а также обеспокоенное быстрым «вымыванием» из состава директорского корпуса членов РАН, планировало шаги по смягчению требования об обязательной смене директоров академических институтов по достижении ими 65-летнего возраста. Об этом, в частности, говорил президент РАН А. М. Сергеев, выступая в 2019 г. на Общем собрании Академии. По его мнению, расчет на приход нового поколения успешных директоров может и не оправдаться, поскольку «сильные молодые ученые не желают заниматься администрированием в условиях сильного бюрократического давления». В качестве временного выхода из создавшейся ситуации президент РАН предлагал продлить полномочия «сильным и уважаемым директорам академических институтов» хотя бы до 70-летнего возраста в случае, если им не будет «адекватной замены».²¹ Как показала практика, эта просьба Академии была услышана: в соответствии

с Федеральным законом № 157 от 20.05.2020, возрастная планка для руководителей научных организаций была поднята как раз до 70 лет.²²

В целом в течение пореформенных лет директорский корпус в границах Сибирского отделения обновился радикально: за 2018–2022 гг. сменилось руководство в 58 институтах Отделения. В ряде институтов это привело к жесткому противостоянию внутри коллектива, при назначении имели место факты игнорирования мнения большинства сотрудников: например, конфликт такого рода до сих пор продолжается в Институте математики СО РАН.²³

К началу 2020-х гг. ситуация в кадровой сфере в целом стабилизировалась. На середину 2022 г. в научных организациях СО РАН, подведомственных Министерству науки и высшего образования России, числилось 11 472 научных работника, из них 2 339 докторов и 6 043 кандидата наук, 2 922 научных сотрудника без ученой степени. Общая численность работающих в Отделении превысила 31 тыс. чел. В состав Сибирского отделения ныне входят 227 членов РАН, из них 105 академиков и 122 члена-корреспондента. Столь резкий рост численности членов Академии наук (в начале 2013 г. их было, напомним, 61 и 75 соответственно) легко объясним: одним из мероприятий радикальной реформы академической науки 2013 г. стало вхождение медицинской и сельскохозяйственной академий в состав РАН. Важной частью высшего слоя академического сообщества стали профессора РАН (в Сибирском отделении их 111 человек, в том числе один академик и 20 членов-корреспондентов РАН).²⁴

***

Три постсоветских десятилетия истории отечественной академической науки, что хорошо видно на примере Сибирского отделения, вполне укладываются в общий тренд

¹⁸ Кризис науке не помеха // Навигатор. 2015. № 48 (1017). От 11.12.15. URL: <https://www.navigato.ru/stati/publication/krizis-nauke-ne-pomeha> (дата обращения: 14.11.2022).

¹⁹ Положихина М. А. Неоднозначные итоги реформирования российской науки // Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 2 (40). С. 131.

²⁰ Родкин М. Формируется худший директорский и административный корпус за всю историю РАН (Демон избавления от научной геронтокрации) // Независимая газета. 2019. 9 апр. URL: https://www.ng.ru/science/2019-04-09/10_7552_demon.html (дата обращения: 11.11.2022).

²¹ Сергеев А. РАН попросит смягчить порядок замены директоров академических НИИ. URL: <https://ria.ru/20190423/1552967169.html> (дата обращения: 11.11.2022).

²² См.: Федеральный закон № 157 от 20.05.2020 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части установления предельного возраста для замещения должностей руководителей, заместителей руководителей государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования и научных организаций и руководителей их филиалов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005250035?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 20.01.2023).

²³ См.: Научный скандал: новосибирские ученые пожаловались Мишустину на захват власти в Институте математики СО РАН // Сиб.фм. 08.10.2021. URL: <https://sib.fm/news/2021/10/08/nauchnyj-skandal-gruppa-uchenyh-zayavila-o-tsenzure-i-zahvate-vlasti-v-novosibirskom-institute-matematiki-so-ran> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁴ См.: Визитная карточка СО РАН. URL: <https://www.sbras.ru/ru/cmnn/general> (дата обращения: 14.11.2022).

трансформации сферы интеллектуального производства страны по неолиберальному сценарию. Стремление государства в условиях недостатка необходимых ресурсов, несмотря ни на что, модернизировать науку, сделав ее, с одной стороны, управляемой и недорогой, с другой — современной и эффективной, постоянно наталкивалось на сопротивление научного сообщества, пытающегося сохранить традиционные ценности научной профессии. Есть веские основания предполагать, что подобное противостояние в ближайшей перспективе будет определять состояние сферы фундаментальных исследований. История разработки и реализации радикальной реформы академического сектора явилась по целому ряду параметров продолжением утилитарного подхода по отношению к науке, характерного для советского времени, например, хрущевского периода. Мы согласны с мнением тех историков науки, которые уверены, что нынешние реформаторы опирались на сходную аргументацию, а запрос власти к академической науке и перечень претензий к ней имели схожий характер.

Почти половина истории существования самого крупного на востоке страны подразделения Академии наук приходится на постсоветский период, на протяжении которого отечественная наука адаптировалась как к новой научной политике государства, так и к резко изменившимся запросам экономики и общества. Результаты подобной адаптации дают веские

основания квалифицировать нынешнее состояние науки в России как ее переход в новое качество, которое мы трактуем как *постсоветскую науку*. Она представляет собой переходный тип от прежней, советской модели организации научной деятельности (особая роль Академии наук как главного научного «штаба» страны, занимавшего особое место не только в структуре интеллектуального производства, но и в системе власти, слабое развитие вузовской науки, слабая связь науки с экономикой гражданских отраслей, отсутствие открытой конкурсной системы финансирования) к современной, включающей перенос науки в вузы, более тесную связь науки с рынком, ее усиленную коммерциализацию, внедрение конкурсной системы распределения ресурсов и т. д.

Решение поставленной государством задачи достижения технологического суверенитета и одновременно резко изменившиеся в худшую сторону условия исследовательской деятельности вновь ставят отечественный академический комплекс в сложную ситуацию. Вполне вероятно, что сложившиеся способы и механизмы адаптации к меняющимся условиям научной деятельности завтра станут неактуальными. Ярким примером здесь может служить история международного сотрудничества, к концу 1900-х — началу 2000-х гг. ставшего одним из основных источников сохранения целых научных направлений, а к началу 2010-х гг. потерявшего свою значимость.

Anatoly M. Ablazhey

Candidate of Philosophical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: ablazhey63@gmail.com

Natalya N. Ablazhey

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: ablazhey@academ.org

SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES:
BASIC TRENDS OF THE POST-SOVIET TRANSFORMATION

The main patterns of adaptation of science to constantly changing conditions of activity are shown on the example of the scientific community of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The authors divide the entire history of post-Soviet science into several periods. The first period, the most dramatic one, from the early 1990s to the early 2000s, was due to adaptation to the market under the conditions of the “shock therapy” of science. The second period lasts from the beginning of the 2000s to 2013, its main content was stabilization associated with the formation of new mechanisms and principles for the implementation of scientific activities, including planning, financing and reporting. Finally, the third period, which began in 2013, is associated with a radical reform of the academic sector of science, which involved depriving the Academy of Sciences of the status of the country’s main “scientific headquarters” and transferring the most important powers to manage fundamental research into the hands of state bodies: first, Federal Agency of

Scientific Organizations, and since 2018 – the Ministry of science. There were two basic models of functioning of the academic institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: “federal” and “unitary”, which did not exclude the presence of intermediate options. There was also a stratification of the previously fairly homogeneous scientific community, due to the degree of adaptation to the changed conditions of life and activity, the factors of which are involvement in the processes of commercialization of science, the ability to find additional funding (grants, economic agreements), and the demand for scientific topics in the market of scientific products.

Keywords: *fundamental science, post-Soviet science, academic institute, adaptation, commercialization, efficiency criteria, stratification*

REFERENCES

- Ablazhey A. M. [Russian Science’s Personnel Potential: Experience of Sociological Characteristics]. *Sotsial’nyye problemy nauki i innovatsiy* [Social Problems of Science and Innovation]. Novosibirsk: Institut filosofii i prava SO RAN Publ., 2002, pp. 69–77. (in Russ.).
- Ablazhey A. M. [The Neoliberal Context of the Post-Soviet Science]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy], 2012, vol. 10, no. 3, pp. 155–160. (in Russ.).
- Ablazhey A. M. [The Phenomenon of Forced Integration in the Russian Academic Sphere]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], 2015, no. 4 (61), pp. 176–187. DOI: 10.15372/PHE20150418 (in Russ.).
- Ablazhey A. M. [The Status and Perspectives for Development of Academic Postgraduate Study: Scientific Supervisors’ Point of View (Based on Research Materials of Mid-2000s)]. *Professional’noye obrazovaniye v sovremennom mire* [Professional Education in the Modern World], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2967–2975. DOI: 10.15372/PEMW20190309 (in Russ.).
- Ablazhey A. M. [Young Russian Scientists: A Comparative Analysis of Social Characteristics (On The Materials of the Sociological Monitoring of the Novosibirsk Scientific Center)]. *Vosproizvodstvennyye mekhanizmy rossiyskoy nauki: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Reproductive Mechanisms of Russian Science: Current State and Development Prospects]. Novosibirsk: Institut filosofii i prava SO RAN Publ., 2004, pp. 103–125. (in Russ.).
- Ablazhey A. M. *Vosproizvodstvo nauki v sovremennoy Rossii* [Reproduction of Science in Modern Russia]. Novosibirsk: Institut filosofii i prava SO RAN Publ., 2006. (in Russ.).
- Dezhina I. G. [Reform of the Russian Academy of Sciences: Causes and Consequences for Science in Russia]. *Russie.Nei.Visions*. Moscow: Center Russia/NNG; Paris: IFRI, 2014, no. 77. Available at: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (accessed: 20.01.2023) (in Russ.).
- Doroshenko V., Korshever I., Matizen V. [Novosibirsk Research Center: Is There a Strategic Alternative?]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2002, no. 7 (8), pp. 259–272. Available at: <https://strana-oz.ru/2002/7/novosibirskiy-nauchnyy-centr-est-li-strategicheskaya-alternativa> (accessed: 20.01.2023) (in Russ.).
- Gordienko A. A., Eremin S. N., Plyusnin Yu. M., Putilov A. A., Ablazhey A. M. [Novosibirsk “Academic Town” in 1996]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1997, no. 12, pp. 68–77. (in Russ.).
- Koptyug V. A. [On Possible Ways of Reorganizing the Structure of the Academic Scientific Community]. *Rossiyskaya nauka: sostoyaniye i problemy razvitiya. Vserossiyskiy seminar 19–21 sentyabrya 1996 g.* [Russian Science: Status and Problems of Development. All-Russian Seminar, September 19–21, 1996]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 1996, pp. 13–22. (in Russ.).
- Mirowski Ph., Van Horn R. The Contract Research Organization and the Commercialization of Science. *Social Studies of Science*, 2005, vol. 35, iss. 4, pp. 503–548. DOI: 10.1177/0306312705052103 (in English).
- Mirowski Ph., Sent E.-M. The Commercialization of Science and the Response of STS. *The Handbook of Science and Technology Studies*. London; Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology, 2008, pp. 635–689. (in English).
- Plyusnin Yu. M. [“Superfluous People” in Science: An Experience of Socio-Psychological Investigation]. *Naukovedenie* [Science Studies], 1999, no. 1, pp. 7–19. (in Russ.).

Plyusnin Yu. M. [Why “Superfluous People” Don’t Leave Science?]. *Naukovedenie* [Science Studies], 2002, no. 1, pp. 109–118. (in Russ.).

Plyusnin Yu. M., Gordienko A. A. *Nauchnoye soobshchestvo Akademgorodka v period transformatsii obshchestvennoy zhizni Rossii: sotsial’no-psikhologicheskiy aspekt: monitoring sotsial’no-psikhologicheskogo sostoyaniya nauchnykh kollektivov NNTs v 1992–1995 gg.* [The Scientific Community of Akademgorodok in the Period of Transformation of Public Life in Russia: Socio-Psychological Aspect: Monitoring of the Socio-Psychological State of Scientific Teams of the NSC in 1992–1995]. Novosibirsk: S. n., 1995. (in Russ.).

Plyusnin Yu. M., Kupershtokh N. A., Ablazhey A. M. [Scientific Communities of Siberian Cities (Based on Field Research)]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Fund], 2004, no. 4 (37), pp. 130–141. (in Russ.).

Polozhikhina M. A. [Different Results of Reforming Russian Science]. *Ekonomicheskiye i sotsial’nyye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 2019, no. 2 (40), pp. 100–138. DOI: 10.31249/espr/2019.02.05 (in Russ.).

Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye. Istoricheskiy ocherk [The Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Historical Essay]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2007. (in Russ.).

Yurevich A.V. *Umnyye, no bednyye: uchenyye v sovremennoy Rossii* [Clever but Poor: Scientists in Modern Russia]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, Izdatel’skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh program Publ., 1998. (in Russ.).

Для цитирования: Аблажей А. М., Аблажей Н. Н. Сибирское отделение РАН: базовые тренды постсоветской трансформации // Уральский исторический вестник. 2023. №1(78). С. 93–103. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-93-103.

For citation: Ablazhey A. M., Ablazhey N. N. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Basic Trends of the Post-Soviet Transformation // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 93–103. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-93-103.